

ГОНЧАЯ

Ю. Ливеровский

Самара город небольшой, но веселый. Маленькие трамвайчики, как заводные игрушки, позванивают на крутых спусках улиц, упирающихся в Волгу. На пристанях кипит буйная, пестрая жизнь.

Крики грузчиков, пароходные гудки, воркование голубей и песни с реки сливаются в один ритмический гул.

За Волгой, на север, в пепельной дымке тонут красные прутья ивняков, а с юга и востока—широкий разлив степей курдюкой волной дубовых колков и яблочных садов разбиваются о низкие дома окраины.

Привольно под Самарой охотнику!

Осенью по дубовым лескам веселят сердце быстрые взлеты упругих вальдшнепиных крыльев, а то выскочит матерый русачина и, кося черным выпуклым глазом, взметнется на зеленый пригорок озими и скроется в ржавой некоси.

Пришел ко мне как-то приятель по охоте Иван Петрович Курносов, коренной самарец, слесарь трубного завода и говорит:—Не мало мы с тобой, Алексеч, зайчишек постреляли, а только нет в этом настоящего блезиру! Без собаки какая на зайцев охота?—Правда твоя,—отвечая Петровичу,—да только где гончую взять? Перевелись в Самаре гончие вместе с буржуазией!

—Надо искать,—заволновался Петрович,—вон сосед мой привез с Пензы хорошую карпатскую гончую маркловских кровей...

До снега мы гончую не достали. Зима в Самаре солнечная. Голубые выпуклые тени лежат на искристых снегах. Крепкий, но легкий мороз охватывает бодрой свежестью.

Иду я утром на службу. Вдруг вижу на оснеженном крыльце одного из домов стоит громадный гончак.

Стал присматриваться—собака ладная. Весь точно из бронзы отлит, каждый мускул рисуется. Ноги тростистые, сухие, колодка могучая; голова типичная—клинышком. Глаз темный, миндалевидный; гон редкий, окрас чепрачный. Чепрак не черный, а темно-серого цвета. Такого гончака тащи на выставку—золотую медаль схватит! Любуюсь выжлецом, а он не замечает, стоит на солнце, золотится.

В это время выходит из дома неизвестный гражданин, открыл дверь—и скрылась собака в доме.

Ну, думаю, стой! Не упущу тебя так просто! Бегу за выжлецом по лестнице. Поднялся в темный коридор—двери направо и налево—нет гончака! Стал прислушиваться. В конце коридора скребет дверь лапой. Подошел к нему, да впотмах помойное ведро—опрокинул. На шум открывается дверь и выпархивает небольшая старушка.

—Это,—говорит,—кто же мои помойные ведра опрокидывает? По какому праву?

—Опрокинул,—говорю,—гражданка, случайно. Дело к вам имею, Не уступите-ли собачку?

Старушка утихла.

—Заходите, потолкуем,—приглашает. Долго мы беседовали. Старушка мне понравилась; было что-то детски-ласковое в ее светлых выцветающих глазах. Тихим уютом веяло от всей ее маленькой бесшумной фигурки.

Бывшая сельская учительница до выхода на пенсию она работала в селе Н-ом близ имения „Ягодного“ помещика Курина.

Курлинские гончие славилась не только в Самарской губернии, но гремели по всей старой

России. Выставочные статьи сочетались в них с удивительно добычливой работой.

Когда революционный шквал перетряхнул помещичьи имения и „Ягодное“ опустело—София Ивановна (так звали старушку) достала щенка—от уцелевших Курдинских красногенов. Был он неуклюжий, с толстой бархатистой мордой, толстыми лапами и большим шарообразным животом. Назвала его Шариком.

Прошло четыре года. Шарик превратился в могучего выжлеца и перекочевал вместе с хозяйкой в Самару. Со слезами раставалась Софья Ивановна с Шариком. Добрая старушка не на деньги польстилась. Ей казалось, что у меня собаке будет лучше.

—Где-же мне, пенсионерке, такого кобеля прокормить! Я ведь его для сына растила. Сын в Красной армии был. Да не пришлось ему с Шариком поохотиться; в двадцатом году на фронте убит. А Шарик ведь—охотничий! Он у меня со скуки мышей ловит. Просто и kota не надо!

Вечером у нас торжество. Пришел Иван Петрович. Он только ахнул, увидев выжлеца;—Ну и пес! Не собака, а сплошной экстерьер! Форменная идеология! Завтра-же на Коровий остров пробовать! Только, брат, это не чистый костромич. Где-же это видало, чтобы у костромича серый чепрак, не иначе—помесь с курляндской.

Иван Петрович человек не молодой, скромный, артист своего слесарного дела, толковый охотник—в собаках понимал мало, хотя они были его слабостью.

—Да и имя у собаки не гончее: Шарик! Давай-ка перезвездим его заново.

Стали мы перебирать гончие имена; Заливай, Рыдай, Плакун, [Вопило, Громило, Будило, Соловей, Добор, Бубен, Трубочка и десятки других. Остановились на Рыдае.

Среди взлета радужных фантазий иногда наша мысль спускалась (вернее делала попытки спуститься) на грешную трезвую землю.

Глядя на великолепную точенную голову Рыдая я заметил седеющие волоски на морде и сказал Петровичу:—А собаке-то ведь четыре года, в охоте не была. Пойдет-ли?

Петрович топорщит на меня усы и лукаво подмигивает.

—Пустяки, нагоняем! Порода возьмет свое. У нас, брат, корова зайца погонит!

С вечера над городом разорвалась пухлая туча, точно перина с лебяжьим пухом—и закружились медленные крупные хлопья снега. Всю ночь бился в стекла снежинки.

К утру затихшее небо вызвездило. Петрович в полном боевом вооружении о неизменном своим „Зауэром“ постучал ко мне задолго до рассвета. Быстро собравшись, мы окунулись в мягкую тишину ночи.

Пухлый свежий снег покрывал город.

—Каков маршрут?—спросил я Петровича.

—Сперва на Коровий, оттуда к хуторам, а там видно будет...

Наши валенки певуче поскрипывали в морозном воздухе. Рыдай на цепи легкой трусой следовал за нами.

—То-ли дело охотиться с гончей,—торжествовал Петрович,—красота, гармония звуков! А добычливости! Ну, много ли мы с тобой русаков здесь страпливали? Пять—шесть. А с хорошей гончаркой в наших местах и десяточек мало. Между прочим, гон сейчас наилучший. Снегу мало и погода мягкая.

На Коровий остров мы пришли, когда розовая зимняя заря уже пролилась на оснеженную землю.

Кто из самарцев не бывал на Коровьем острове?

Весной, в разлив, Волга, широкая, как море, течет там среди зеленеющих осокорей. Слободские ребята и девки на лодках проплывают затопленными лесами. Мяукающие гармоники переключаются с молодыми человеческими голосами. На Коровьем остро-о-о-о-в-е меня би-и-и-и-и вес-ла-м-и-и...

Зато зимой—пусто и тихо. Иногда сухо зашипят лыжи. Качаясь на финском ходу, легкие, как птицы, пронесутся лыжники...

Где нибудь стукнет одинокий, проглоченный тишиной, выстрел...

Зайцев на Коровьем немного. Русак предпочитает держаться дальше, где дубовые колки перемешаны с полями хуторян. Здесь живет тумак, да изредко вырвется из под упавшего осокорей целый белячишка.

Скоро мы углубились в чтение заячьей грамоты. Порошка была знатная и проследить зайца легко. От сваленного осокорей с обглоданными, похожими на кости, ветками, верный след вел в небольшой островок ивняковой поросли.

Несомненно, заяц был там.

— Спускай кобеля с цепи! — прерывающимся от волнения голосом шептал мне Петрович. Спущенный Рыдай большими прыжками перекрестил поляну. Мы разделились и, взяв на изготовку ружья, пошли опушкой острова. Заяц долго не поднимался. Наконец где-то за островом плачущий, дрожащий звук, точно надломленный вскрик медной трубы потряс воздух. Я узнал голос собаки. Он был настолько мощным, что казалось, от него должен осыпаться с деревьев снег. Бархатные глубокие басовые ноты ломались в теноры-вые всхлипы.

Я остановился и слушал, не знаю сколько времени. Вдруг резкий призывный крик Петровича, такой слабый перед этой стихией звуков, нарушил очарование: — С-ю-д-а-а-а; Алексе-и-и-и-и-и!

— Что такое? Кричит под гон? — мелькнула недоуменная мысль.

Раздвигая мешающие гибкие прутья ивняков, я бросился на крик.

Петрович, почесывая затылок, с жалким расстроенным лицом вышел навстречу.

— Пойдем, брат! — отрывисто указывал он в направлении гона. Гон страстный, азартный гон, держался на одном месте. Не прошло и пяти минут, как мы добежали до собаки. Медленными прыжками, останавливаясь, тыкая носом в снег, она шла чьими то следами. Я подошел к ней и удивленно остановился. По снегу отчетливо тянулась мелкая сетка мышиних следов.

— Подхожу к гону, смотрю—гонит по мыши, да еще в пату! И этакая-то машинница! — с горечью проговорил Петрович.

В это время откуда-то сбоку, мелькая рыжеватой-серой шерстью, поднялся тумак. Разбрызгивая снег, выскочил он на полянку. Рыдай перестал лаять, поднял голову и воззрился на зайца. Потом снова опустил голову и громоподобным голосом, пошел по мыши. Петрович не выдержал, поднял Зауэра и лихим выстрелом срезал зайца.

Когда мы снова посмотрели на Рыдая, его уже не было около нас. Поджав хвост и вытянув шею, лихой мышегон, испуганный выстрелом, злыми ногами шел к чернеющему вдаль лесу.

Больше мы его не видели.

Пробродив до темноты мы взяли еще трех тумачей, но добыча нас не радовала. Петрович хмуро озирал по сторонам и бормотал себе под нос: — Этакая—то машинница—и по мыши в пату!...

Осенний ток глухаря

25 сентября с. г. я отправился с двумя товарищами на охоту по глухарям на осине.

Чуть зазелело на горизонте, когда мы добрались до того места, где глухари любили лакомиться вальным осиновым листом.

Мы приостановились, вслушиваясь.

И до моего слуха совершенно отчетливо доносилось пение глухаря. Мои спутники—начинающие охотники—еще никогда не слышали глухариной песни, и поэтому вряд-ли поняли, чем вызвано мое удивление.

Рассказав им в чем дело, я оставил одного из них на месте, а с другим начал подсакивать к глухарю, делая в песню по два-три шага. Мой спутник во всем копировал мои движения.

Глухарь пел без перерыва. Вскоре его песня звучала совсем близко от нас и, наконец, мы увидели и самого певца, расположившегося метрах в 3-х над землей на суке ольхи.

До глухаря было не больше двадцати пяти шагов. Взмах курки, я выстрелил...

Это был первый токующей осенью глухарь, которого мне за всю жизнь удалось увидеть и застрелить.

Михайлов.

СТОРУБЛЕВЫЕ МЕДВЕДИ

В. Крымский.

Слухами земля полнится, а поскольку Новгород стоит на земле, то и в Новгороде иногда случаются различные происшествия.

Не очень давно в этом славном городе стало известно, что в Крестецком районе появилось штук 10 медведей.

— О-о! — сказала редакция Новгородской газеты „Звезда“, — вот это номер! Даешь облаву на медведей...

И пошел представитель редакции в местную контору Госстраха. — И что вы только делаете? Медведи крестьянскую скотину ломают, а вы и признаков жизни не подаете! Гоните на облаву 100—150 руб!

Госстрах испугался (не даром и имя то у него такое); выложил на стол 130 рублей.

Главное деньги, а остальное приложится. И вот к этим 130 рублям „приложилось“ два охотника (сам сотрудник редакции не „приложился“).

Простому говоря, охотники Б. и С. выехали на место появления медведей.

Выехали они без шума, без крика и даже на правлении Новгородского т-ва вопрос о выезде на облаву официально не ставился.

Итак, охотники выехали.

В районе они пробыли несколько дней, слухов об них не доходило и многие наивные новгородцы с их приездом ожидали не меньше как пяти убитых медведей.

Примерно через неделю они все же возвратились и тогда местная газета с прискорбием сообщила, что, хоть охотники и выезжали, и по лесам ходили, и следы медвежьи видели, и извините за выражение, кусочки кала медвежьего находили, но самого медведя видеть не пришлось, а потому выстрелить по нему не удалось.

Конечно, о 130-ти рублях государственных денег газета деликатно умолчала.

Не молчать об этом, как-то не хочется. Все-